

Пол ВЕРТ

**ГЛАВА ЦЕРКВИ, ПОДДАННЫЙ ИМПЕРАТОРА:
АРМЯНСКИЙ КАТОЛИКОС НА ПЕРЕКРЕСТКЕ
ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
ИМПЕРИИ, 1828-1914***

В истории редко случалось, чтобы географические границы религиозных сообществ совпадали с границами государств. Поэтому для отправления религиозных обрядов верующим часто приходилось пересекать государственные границы, а правительствам – разбираться со связанными с этим затруднениями и стараться использовать выгоды, вытекающие из международного аспекта различных религиозных

* Настоящая статья является переведенным, переработанным и существенно дополненным вариантом текста, подготовленного к публикации в следующем виде: The Russian Empire and the Armenian Catholicos at Home and Abroad // Osamu Ieda and Tomohiko Uyama (Eds.). *Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds*. Sapporo, 2006. Pp. 203-235. Перевод автора и Е. Зуевой. Я благодарен Славянскому Центру университета Хоккайдо за приятную обстановку, в которой готовилась статья, и за право издать ее в русском варианте. Я также благодарю Такаюки Йошимуру за советы по первому докладу на эту тему. Финансовую поддержку исследованию оказали International Research and Exchanges Board (IREX); the National Council for Eurasian and East European Research (NCEEER); Невадский университет в городе Лас Вегас (UNLV). Я также признателен редакции *Ab Imperio* за ценные рекомендации по переработке первоначальной версии статьи.

традиций. Многоконфессиональный характер Российского государства делал подобные заботы особенно значимыми – факт, который историки начинают по-настоящему осознать только сейчас. Паломничество в Ургу, Мекку, Иерусалим или Рим предполагало пересечение верующими границ империи, в результате чего возникали проблемы пограничного контроля, консульского обслуживания и контактов российских подданных с иностранцами. Заполнение пастырских вакансий в России иногда требовало от религиозных сообществ поиска кандидатов за рубежом, что выдвигало на передний план проблемы подданства, знания русского языка и политической благонадёжности. Вхождение католиков в состав Российской империи заставило Санкт-Петербург вступить в сложные отношения с папским престолом, в то время как присутствие православных христиан на Балканах и в Палестине предоставило России возможность оказывать давление на Османское правительство. В целом, религиозные вопросы иногда глубоко втягивали Россию в дела иностранных государств.¹

В настоящей статье международный аспект российских конфессиональных проблем исследуется на примере духовного главы армянской церкви – католикоса, верховного патриарха всех армян. Присоединение восточной Армении в 1828 году переместило престол католикоса – монастырь Эчмиадзин – в пределы России, а самого патриарха превратило в подданного Российского императора.² Поскольку ка-

¹ Интересные исследования этих аспектов можно найти в следующих работах: Daniel Brower. Russian Roads to Mecca: Religious Tolerance and Muslim Pilgrimage in the Russian Empire // *Slavic Review*. 1996. Vol. 55. No. 3. Pp. 567-586; В. Ф. Ямилонец. Россия и Палестина: Очерки политических и культурно-религиозных отношений, XIX – начало XX века. Москва, 2003; Eileen Kane. Pilgrims, Holy Places, and the Multi-Confessional Empire: Russian Policy Toward the Ottoman Empire under Tsar Nicholas I, 1825-1855 / Ph.D. diss., Princeton University, 2005; Л. А. Герд. Константинополь и Петербург: Церковная политика России на православном Востоке, 1878-1898. Москва, 2006; Е. С. Токарева, А. В. Юдин. Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX вв. Санкт-Петербург, 2003; Barbara Skinner. Borderlands of Faith: Reconsidering the Origins of a Ukrainian Tragedy // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 1. Pp. 88-116. О взаимодействии империй между собой см.: Aleksei Miller. Between the Local and Inter-Imperial: Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2004. Vol. 5. No. 1. Pp. 7-26 (особенно Pp. 18-20).

² О самом Эчмиадзине и его ранней истории см. Я. Арапетов. Эчмиадзинский монастырь // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Часть 6. С. 208-243; Об Армяно-Григорианской церкви в Российской империи // Журнал Министерства внутренних дел. 1856. Часть 20. С. 69-70; Rouben Paul Adalian. Historical Dictionary of Armenia. Lanham, MD., 2002. Pp. 182-187.

толикос имел исторические основания претендовать на духовную власть над всеми приверженцами Армянской Апостольской (Григорианской) церкви, где бы они ни проживали,³ имперское правительство получало беспрецедентный инструмент воздействия на армянские общины Персии и Турции. В течение XIX столетия оно прилагало большие усилия для поддержания и повышения престижа католикоса в целях расширения российского влияния за южными границами.

При этом чёткое определение прав и статуса католикоса оказалось делом весьма сложным и политически заряженным. Католикос должен был пользоваться духовным авторитетом у верующих за границей и одновременно выполнять административные требования в России, соответственно, его власть должна была быть ограниченной и в тоже время безграничной. На практике повышение престижа католикоса среди зарубежных армян заставляло имперское правительство идти на значительные уступки в отношении управления духовными делами григорианского исповедания на своей территории. Правительственные усилия в направлении подчинения зарубежных армян Эчмиадзину оборотной стороной имели усложнение армянского религиозного вопроса внутри России. К концу XIX века имперские чиновники уже сильно сомневались в мудрости принесения в жертву внутригосударственных интересов ради влияния католикоса за границей. Но всё же они не были готовы окончательно проститься с представлением о том, что решительная поддержка русским правительством Эчмиадзина выгодна с внешнеполитической точки зрения. После 1905 года правительство уже не сомневалось в необходимости реформы армянских церковных дел, однако оставались сомнения в том, насколько эти реформы перевесят возможный вред, нанесенный престижу России в глазах зарубежных армян.

Попытки российских властей манипулировать католикосом и армянской церковью заметно осложнились и тем, что основой группового единства армян служили две близкие, но всё же отличающиеся друг от друга концепции. Одна из них воплощалась в Апостольской церк-

³ Армяне говорили о своей церкви как об “апостольской”, между тем как российские имперские власти обозначали её как “григорианскую”, в честь просветителя Армении IV века Св. Григория. Видимо, это имело целью подчеркнуть её будто бы “сектантский”, а не апостольский характер. См. Л. М. Меликсет-Беков. Юридическое положение верховного Патриарха Армянского. Одесса, 1911. С. 3; Tiran Nersoyan. Laity in the Administration of the Armenian Church // *Kanon: Jahrbuch der Gesellschaft für das Recht der Ostkirchen*. 1977. Bd. 3. S. 106.

ви, являвшейся, пожалуй, самым ярким примером национальной церкви, поскольку к ней принадлежали исключительно армяне и только немногие представители этого народа находились вне её лона. Глава церкви считался католикосом “всех армян” с XI-XII века, и в этом смысле церковь и нация были тождественны.⁴ С другой стороны, формировалось представление об армянской нации как о группе, независимой от принадлежности к той или иной церкви. Задолго до XIX века были известны армяне-католики, и с ростом влияния западных держав в том же XIX веке – сначала в Османской империи, а к середине века также и в России – некоторые армяне стали переходить в протестантизм. Заявившие о себе во второй половине века армянские революционеры, даже если они не полностью отказывались от церкви как символа единства народа, все равно усложняли соотношение между вероисповеданием и национальностью. Как свидетельствуют исследования последних лет, подобные осложнения были характерны не только для коллективного самосознания армян.⁵ Но для российских имперских властей, признававших и даже продвигавших идею вселенского значения католикоса, эта проблема должна была иметь особую важность.

Присоединение и возвышение Эчмиадзина

Хотя на протяжении длительного времени Эчмиадзинский престол признавался религиозным центром всех армян, пределы его действительной духовной власти варьировались, будучи обусловленными конкретной политической ситуацией и возникновением новых духовных центров. Согласно преданиям, Эчмиадзин был основан в начале IV

века Григорием Просветителем, получившим будто бы указание от самого Христа о том, где следовало построить храм.⁶ Сказать с уверенностью, когда именно епископы Эчмиадзина присвоили себе титул “католикос” и как именно понималась его власть, сложно. Но само это звание этимологически отражает вселенские претензии. Католикос имел исключительное право освящать мир для таинства миропомазания, он один мог рукоположить епископов всех армянских епархий. Имеются конкретные указания на то, что армяне действительно признавали Эчмиадзин местопребыванием верховного патриарха всех представителей этого народа.⁷ Так, например, армянские общины в Индии обратились к Эчмиадзину в 1839 г. с заявлением о том, что “все вообще армяне под какою бы державою ни состояли, как единоверцы и единого разума, (составляют – П.В.) собою в моральном отношении одно тело под единым верховным духовным Главою”.⁸

Однако в средневековье в контексте рассеяния армянского народа возникли и другие престолы с религиозными лидерами, носившими высокое духовное звание. Сам Эчмиадзинский католикос в своё время вынужден был покинуть свое местопребывание и после долгих странствований в XII веке оказался в Сисе, столице Киликии. После падения этого армянского царства (1375 г.) духовные лица восточной Армении в 1441 году снова избрали католикоса для восстановленного престола в Эчмиадзине. Но сисские католикосы от своего статуса не отказывались, и с того времени имелись по крайней мере два лица, носивших титул “католикос” и находившихся в сложных отношениях друг с другом. Между тем в Ахтамаре (в XII веке) и Ганзасаре (видимо, в самом конце XIV века) появились региональные “католикосы”, а в Иерусалиме (в 1311 г.) и Константинополе (в 1461 г.) – патриархи армянской церкви. В каждом случае это были местные епископы, вынужденные претендовать на духовную самостоятельность в силу не-

⁴ Krikor Vardapet Maksoudian. Chosen of God: The Election of the Catholicoi of All Armenians, From the Fourth Century to the Present. New York. 1995. P. ix.

⁵ См., например, следующие работы: Helmut Walser Smith. German Nationalism and Religious Conflict: Culture, Ideology, Politics, 1870-1914. Princeton, 1995; John-Paul Himka. Religion and Nationality in Western Ukraine: The Greek Catholic Church and the Ruthenian National Movement in Galicia, 1867-1900. Montréal, 1999; Ricarda Vulpius. Ukrainische Nation und zwei Konfessionen: Der Klerus and die ukrainische Frage, 1861-1921 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. Bd. 49. H 2. S. 240-256; Theodore R. Weeks. Religion and Russification: Russian Language in the Catholic Churches of the “Northwest Provinces” after 1863 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. Vol. 2. No. 1. Pp. 87-110; Дарюс Сталюнас. Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-е годы XIX века // Российская империя в зарубежной литературе: Работы последних лет / Под ред. А. Миллера, П. Кабытова, П. Верта. Москва. 2005. С. 570-588.

⁶ Соответственно, Эчмиадзин по-армянски означает “сошёл едиnorodный”.

⁷ Полный титул католикоса в кондаках звучал так: “Раб Иисуса Христа и, по неоповедимой воле Бога, глава епископов и католикос всех армян, верховный патриарх всенародного первочтимого престола Араратского, апостольской матери-церкви кафедрального Эчмиадзина”. См. Стефан Папаян. Армянские патриархи. Луганск, 1908. С. 13. Однако к какому именно времени относится введение этой формулировки, неясно.

⁸ Сакартвелос Саисторно Централури Сахелмпипо Аркиви, Тбилиси (далее: ССЦСА). Ф. 7. Оп. 1. Д. 889. Л. 21об. См. также замечание по этому поводу армянского священника в Калькутте: Reverend P. N. Jacob. A Brief Historical Sketch of the Holy Apostolic Church of Armenia. Calcutta, 1895. Pp. 8-10.

возможности поддерживать контакт с каким-либо центральным престолом. Ввиду размеров Османской империи и роста армянского населения в ее столице константинопольский патриарх стал особенно важной фигурой в местной церкви, хотя формально он, как и иерусалимский патриарх, оставался подчинённым Эчмиадзину. На практике же константинопольский патриарх, особенно в XVIII веке, проявлял достаточную независимость и действовал как глава церкви в Османской империи. Во всяком случае, Османское правительство признало его единственным главой всего армянского миллета (общины) империи и даровало ему исключительную административную и судебную власть. Одним словом, представление о духовном единстве армян и безусловном первенстве Эчмиадзина присутствовало в армянском коллективном сознании, но не являлось безусловной исторической реальностью в момент появления России на армянской сцене к концу XVIII века.⁹

В то же время со второй половины XVIII века складываются предпосылки для восстановления авторитета Эчмиадзина. Католикос Симеон (Ереванци) создал там семинарию, провел опись недвижимости Эчмиадзина и подчинил себе поместных ганзарских католикосов (в Персии).¹⁰ Именно к этому времени, т.е. к 1760-м годам, относятся первые контакты Эчмиадзина с Россией: Екатерина II выполнила просьбу Симеона о подчинении астраханских (т.е. российских) армян ему, а не ганзарскому католикосу. Завоевание восточной Армении Россией имело очень важное значение для осуществления растущих

⁹ В описании этой ситуации я опираюсь на следующие источники: Adalian. Historical Dictionary. Pp. 37-39, 66-69, 130-33, 182-187; Maksoudian. Chosen of God. P. 47-81; M. Herardian. Interrelations of Etchmiadzin and Cilician Patriarchal Sees // Armenian Review. 1956. Vol. 9. No. 2. Pp. 16-31; Mesrob Ashjian. The Catholicoi of Etchmiadzin: An Overview of the Electoral Process. New York, 1995, особенно С. 14-15; Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 16-16об.; Государственный Архив Российской Федерации, Москва (далее: ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 687. Л. 5; Kevork B. Bardakjian. The Rise of the Armenian Patriarchate of Constantinople // Benjamin Braude, Bernard Lewis (Eds.). Christians and Jews in the Ottoman Empire: The Functioning of a Plural Society. New York, 1982. Vol.1. Pp. 89-100; Hagop Barsoumian. The Dual Role of the Armenian *Amira* Class within the Ottoman Government and the Armenian *Millet* (1750-1850) // Ibid. Pp. 171-184; Gerard Jirair Libaridian. The Ideology of Armenian Liberation: The Development of Armenian Political Thought before the Revolutionary Movement (1639-1885) / Ph.D. diss., University of California at Los Angeles, 1987. Pp. 92-102.

¹⁰ По данным Роберта Хьюсона, последний ганзарский католикос умер в 1816 г., а его престол был уничтожен в 1830 г. См. Robert A. Hewson. Armenia: A Historical Atlas. Chicago, 2001. Pp. 171-72.

претензий Эчмиадзина. Впервые после монгольского нашествия 1220 года Эчмиадзин оказался в стране, управляемой христианским монархом, между тем как другие патриархи и католикосы оставались подданными исламской империи. Следует подчеркнуть, что возрождение Эчмиадзина было тесно связано с русской императорской властью.¹¹

Чётко осознав значение Эчмиадзина для армян, Петербург стал вмешиваться в выборы католикоса уже в конце XVIII века.¹² Тогда Эчмиадзин еще находился в Персии, но в выборах католикоса также был заинтересован турецкий султан, имевший под своей властью многочисленное армянское население. Обычно эчмиадзинская община и представители персидско-армянской общины избирали одного или нескольких кандидатов на вакантный престол. Затем константинопольская община от имени турецких армян выбирала одного из предложенных кандидатов, которому султан вручал *берат*, признавая его духовную власть над армянами Османской империи. В силу влияния Порты и константинопольской общины, а также ослабления Персии католикосом обычно становился турецкий подданный, а часто и сам константинопольский патриарх.¹³

Вначале главная забота России состояла в упрочении своего влияния на процесс избрания и утверждения католикоса и по возможности в проведении на престол российских подданных. В 1800 году Петербургу удалось добиться избрания католикосом армянского архиепископа в России, Иосифа Аргутинского, активного участника российской военной кампании против Персии в 1796 году. Иосиф умер по дороге в Эчмиадзин и поэтому не смог занять престол. Однако Россия приобрела для себя право участвовать в выборах и, как казалось Пе-

¹¹ Adalian. Historical Dictionary. Pp. 184-186, 348-439; George A. Bournoutian. The Khanate of Erevan Under Qajar Rule, 1795-1828. Costa Mesa, Cal., 1992. Pp. 74-75; Г. А. Эзов. Начало сношений Эчмиадзинского патриаршего престола с русским правительством // Приложение к журналу "Кавказский вестник". 1901. № 10. О менявшемся положении армян в России в XVIII веке см. Амфиан Лебедев. Вероисповедное положение армян в России до времени Екатерины II (включительно). Москва, 1909.

¹² О раннем участии России в выборах см. Эзов. Начало сношений; Папаян. Армянские патриархи. С. 9-10.

¹³ О выборах до российского вмешательства см. Эзов. Начало сношений. С. 12-14; Kane. Pilgrims, Holy Places. Pp. 124-126; Избрание Верховного Патриарха Католикоса Армянской-Григорианской церкви. Санкт-Петербург, 1843. С. 6-7. Судя по всему, говорить о каком-либо чётко определённом порядке выборов нельзя.

тербургу, даже утверждать католикоса в его сане.¹⁴ Россия попыталась воспользоваться этой привилегией сразу же после смерти Иосифа, когда развернулась борьба между двумя новыми претендентами на патриарший престол. В 1807 году его занял ставленник Петербурга Даниил, а в 1809 году российский император уже не только утверждал нового католикоса (Ефрема), но и заставил его приехать в Петербург для личного свидания.¹⁵ На следующие полвека России удалось монополизировать престол для своих подданных, а аннексия восточной Армении в 1828 году лишь упрочила влияние Петербурга в Эчмиадзине.

Однако этот успех был достигнут ценой снижения авторитета католикоса за границей. Поскольку на патриаршем престоле находился подданный государства, враждебно настроенного к Турции и Персии, армяне этих стран опасались слишком открыто признавать свою духовную подчинённость Эчмиадзину. К тому же, войны России с Турцией и Персией в 1826-1829 гг. нарушили связи между Эчмиадзином и армянами к югу и западу от него. Турецкие армяне оказались отчуждены ещё больше в 1831 году, когда клубок сложных обстоятельств вынудил Россию организовать выборы нового католикоса Иоаннеса (Карпеци) без их участия и с нарушением ещё нескольких установленных порядков.¹⁶ Вместе с тем константинопольский патриарх пы-

тался сохранить свою уже приобретённую самостоятельность, а сиский католикос временами был готов принять под своё духовное покровительство тех, кто больше не желал признавать Эчмиадзин. Таким образом, из-за прерванных отношений с Эчмиадзином и соперничавших с ним духовных учреждений восстановление авторитета католикоса требовало от России значительных усилий.

Инtronизация в 1831 году католикоса Иоаннеса была обставлена российским правительством с особой торжественностью. В церемониальных речах униженность армянской церкви при персидских ханах противопоставлялась её вновь приобретённой свободе под русским патронажем.¹⁷ Для того, чтобы “придать сему празднеству более пышности и блеска”, местные власти доставили в Эчмиадзин батальон пехоты и артиллерию, чтобы ритуальное помазание нового католикоса сопровождалось не только пением хора и звоном церковных колоколов, но также и громкими выкриками “Да здравствует Патриарх!”, оружейным салютом и сто одним выстрелом из пушек. Официальное сообщение гласило: “Всё это, многократно повторённое эхом церковных сводов, придало сей минуте нечто столь торжественное, столь величественное, что трудно словами выразить”. Вечером торжества завершились обильным ужином и фейерверком.¹⁸ Таким образом, заключил В. Г. Вартамян, “правительство хотело показать всем армянам, особенно зарубежным, как высоко в России чтут главу Церкви”.¹⁹ В 1837 году Николай I посетил Эчмиадзин, подтверждая своим визитом имперское покровительство.²⁰

В то же время такие проявления покровительства были недостаточны для того, чтобы гарантировать подчинение константинопольской общины. То ли из страха возбудить подозрения Порты, то ли из желания сберечь собственную власть армянские патриархи Констан-

¹⁴ Эзов. Начало сношений. С. 41-53; Российский Государственный Исторический Архив, Санкт-Петербург (Далее: РГИА). Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 6-7; Г. Х. Аракелян. Духовный центр Эчмиадзина в сфере противоборства России и Ирана в первой четверти XIX века по персидским и турецким документам Матенадарна. Автореферат канд. дисс. Ереван, 1991. О Иосифе, см. П. Юдин. Католикос Иосиф, князь Аргутинский-Долгорукий: К истории гайканского народа в России // Русский архив. 1914. № 9. С. 58-96.

¹⁵ Краткий обзор этой сложной ситуации можно найти в следующих работах: Maksoudian. Chosen of God. Pp. 96-99; Ashjian. Catholicos of Etchmiadzin. Pp. 49-53; George Bournoutian. Eastern Armenia from the Seventeenth Century to the Russian Annexation // Richard G. Hovannisian (Ed.). The Armenian People from Ancient to Modern Times. London, 1997. Vol. 2. Pp. 98-99; П. Агаян. Присоединение восточной Армении к России: Сборник документов. Ереван, 1972. С. 20-24.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 687. Лл. 6-8об.; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Л. 15; Избрание Верховного Патриарха. С. 13-14; В. Г. Вартамян. Армянско-Григорианская церковь в политике Императора Николая I. Ростов-на-Дону, 1999. С. 15-22. По мнению А. Д. Эрнстова, Иоаннес был поставлен во главе армянской церкви кавказской администрацией против воли самих армян. См. А. Д. Эрнстов. Патриарх всех армян Нерсес V-й и князь Михаил Семёнович и княгиня Елисавета Ксавериевна Воронцовы, в их частной переписке. Тифлис, 1898. С. 8; и также В. Г. Гукасян. Константинопольские армяне и национально-просветительское движение 30-60-х годов XIX века. Ереван, 1989. С. 44-46.

¹⁷ Разумеется, положение армянской церкви при ханах было несколько сложнее, чем говорилось в этих речах. См. Bournoutian. Khanate of Erevan. P. 70-92.

¹⁸ Описание торжественного помазания Тифлисского Архиепископа Иоаннеса Капринского в Патриархи всех Армян // Журнал Министерства внутренних дел. 1832. Часть 6. Кн. 1. С. 67-86 (цитаты на с. 73 и 81). Это описание было сделано по заказу начальника Армянской области кн. Бебутова. См. ССЦСА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 118. Лл. 18-29.

¹⁹ Вартамян. Армянско-Григорианская церковь. С. 22.

²⁰ О посещении Эчмиадзина Николаем, см. Высочайшие Указы и Акты, относящиеся до церкви Армяно-Григорианского исповедания в России. Москва, 1842. С. 324-328; и Пребывание Императора Николая I в Эчмиадзине и в Тифлисе по данным армянского археолога // Русская старина. 1909. № 7. С. 63-80.

тинополя и Иерусалима сопротивлялись планам Иоаннеса послать в Османскую столицу делегацию с официальным документом, провозгласившим его избрание католикосом. В ответ на это Иоаннес запросил помощь российского правительства в получении соглашения турецких армян на ряд требований, включавших помещение в Константинополе постоянного нунция. Российский посол семь лет вёл переговоры от лица Эчмиадзина и наконец в 1838 году добился компромисса, включавшего признание первенства Эчмиадзина, но не помещение в Османской столице нунция.²¹

Санкт-Петербург понимал, что авторитет католикоса за границей зависел от участия в его выборах иностранных армян. Некоторые чиновники относились к этому настороженно, но министр внутренних дел Д. Н. Блудов признавал, что устранение от выборов зарубежных армян нарушит установившуюся историческую традицию. Поэтому их исключение в 1831 году в силу обстоятельств воспринималось им как вынужденное, а новый порядок замещения престола должен был обязательно допускать участие зарубежных армян. Более того, правительство, настаивая в 1831 году на избрании католикосом российского подданного, подчеркивало, что в будущем оно «отнюдь не намерено устранить достойнейших армянских святителей, обитающих в Турции, от занятия Эчмиадзинского престола, если выбор падает на кого-либо из них».²² Временная система, принятая в 1831 году, действительно была заменена в 1836 году, когда правительство опубликовало «Положение для Армяно-Григорианского исповедания», позволявшее более значительное иностранное участие в выборах. Согласно этому Положению, все армянские епархии как в России, так и за ее пределами имели право послать в Эчмиадзин двух кандидатов, которые вместе с местными монахами и членами Синода должны избрать двух кандидатов на пост католикоса. Затем российский император выбирал и утверждал бы одного из них. Иностранные граждане имели право баллотироваться, но занятие ими престола обуславливалось принятием российского подданства. Стоит подчеркнуть, что число иностранных епархий далеко превосходило число российских, предоставляя иностранным

²¹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 687. Лл. 7-8об.; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 18-21об.; ССЦСА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 118; ССЦСА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4629; Kane. Pilgrims. Holy Places. С. 130-141; Попытки Католикоса и Петербурга учредить викариатства в Османской столице также окончились неудачей. См. ССЦСА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 263; ССЦСА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 763.

²² Варганян. Армяно-Григорианская церковь. С. 15-21 (цитаты на С. 19-20).

ранным подданным солидное влияние на ход выборов, во всяком случае формально. Находя, «что неизлишне было бы обратить внимание Армянского Патриарха в Константинополе на важность прав, предоставленных у нас заграничным армянам Положением об управлении делами церкви Армяно-Григорианской», российское правительство устроило доставку Положения в армянском переводе в Османскую столицу через свою миссию.²³

Баланс внутренних и внешних интересов

В то время, как Положение 1836 года явилось важным для престижа католикоса за границей, его также нужно рассматривать в свете внутренних административных требований Российской Империи. Пользуясь опытом более ранних законов, регулировавших православие и католицизм, государство с целью более четкого определения иерархической структуры различных конфессий, а также прав и обязанностей их приверженцев выработало уставы для мусульман Крыма (1831), протестантов (1832), евреев (1835) и караимов (1837). Придавая определённую законную силу нормам каждой религии, государство в то же время подчиняло их канонические установления собственным требованиям и интересам.²⁴ Иерархии различных конфессий превратились теперь в государственные институты, а их члены – в государственных служащих.

В этом отношении Положение 1836 года было вполне типичным. В значительной степени оно придало армянской церкви институциональные формы, использовавшиеся в регулировании православия. Должность католикоса, правда, была сохранена, в то время как православного патриарха в 1721 году заменили Святейшим Синодом, но во многих других отношениях институционально армянская церковь стала более походить на православную. Даровав достаточно значительную

²³ См. Свод законов Российской Империи. 1857. Т. 11. Ч. 1. Статьи 916-923. Описание самого процесса выборов можно найти в издании: Избрание Верховного Патриарха. С. 15-48. Подробные правила, регулирующие выборы, были разработаны в 1843 году, ко времени первых выборов после издания Положения (см. РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 830. Лл. 14-18). О сообщении Положения в Турцию см. ССЦСА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4679. Лл. 22-37 (цитаты на Лл. 22-22об.).

²⁴ Роберт Круз замечает, между прочим, что этот процесс позволил правительству самому принимать участие в определении канонов и правил каждой религии. См. Robert Crews. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth-Century Russia // American Historical Review. 2003. Vol. 108. No. 1. Pp. 50-83.

власть Синоду, созданному в 1807 году, Положение установило коллегияльный принцип как ограничитель власти католикоса. Некоторые решения, раньше находившиеся в ведении самого католикоса (напр., назначение епархиальных епископов), теперь нуждались в утверждении императора. Положение также создало должность прокурора для наблюдения за управлением церковью, а на уровне епархий ввело консистории и духовные правления. В целом можно констатировать, что Положение, хотя и основывалось на установлениях армянской церкви, в то же время в существенных вопросах уклонялось от ее церковных канонов и традиций.²⁵

Теоретически Положение 1836 года установило баланс между внешними и внутренними требованиями Российской империи в отношении армянской церкви. На практике же правительству зачастую приходилось выбирать между двумя необходимостями, так как подчинение формальным требованиям государства имело тенденцию ослаблять престиж католикоса за рубежом. Перед правительством встал вопрос о том, сколько “произвола” оно было готово терпеть со стороны католикоса в обмен на перспективы большего влияния на зарубежных армян. С этим вопросом был тесно связан вопрос о подданстве католикоса: подданный какой страны – России и Турции – мог обеспечить более устойчивый баланс между логиками внешнего влияния и внутреннего контроля. К середине XIX века сопротивление константинопольских армян полному духовному подчинению Эчмиадзину вынудило самодержавие отдать предпочтение османским кандидатам.

Российским властям пришлось потратить немало времени на восстановление связи с Эчмиадзином и обеспечение полноценного участия турецких армян в выборах католикоса. Многие зарубежные армяне были недовольны Положением 1836 года, которое создавалось без их участия и, с их точки зрения, чрезмерно ограничивало власть католикоса за счёт, прежде всего, вверения слишком больших полномочий

²⁵ Ashjian. *Catholicoi of Etchmiadzin*. Pp. 16-18; Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской академии наук, Архив востоковедов (Далее: СПб ФИВ РАН АВ). Ф. 58. Оп. 1. Д. 118. Лл. 9-9об.; Там же. Ф. 58. Оп. 1. Д. 141. Лл. 1-5; Там же. Ф. 58. Оп. 1. Д. 123. Лл. 1-3об. Хороший обзор содержания Положения см. в: Варганян. *Армянско-Григорианская церковь*. С. 10-15, 23-45. Там же представлено само Положение (с. 46-70), которое перепечатано и в: Высочайшие Указы. С. 12-117. См. также другие оценки: Н. Ф. В. Lynch. *Armenia: Travels and Studies*. Vol. 1: *The Russian Provinces*. Beirut, 1967 [репринтное издание]. Pp. 233-236; Maksoudian. *Chosen of God*. Pp. 102-106. О процессе создания Положения см. В. Г. Тунян. “Положение” армянской церкви, 1836–1875. Ереван, 2001. С. 3-52.

Синоду.²⁶ В 1843 году в ходе первых выборов после публикации Положения Российское правительство продемонстрировало свою заинтересованность в участии зарубежных армян вплоть до готовности утвердить на престоле хорошо расположенного к России турецкого подданного. Константинопольские армяне решили вместо делегации послать официальный документ со своим волеизъявлением. Армяне, находившиеся под властью Иерусалимского патриарха, последовали их примеру. В конце концов письменные волеизъявления прибыли также из Индии и Персии, а представитель Константинопольского патриарха оказался единственным иностранным подданным, лично присутствовавшим в Эчмиадзине. Тем не менее этот представитель имел полномочия говорить и голосовать за всех многочисленных турецких делегатов – таким образом иностранное участие в выборах состоялось. Похоже, что победивший кандидат Нерсес пользовался поддержкой турецких армян.²⁷

В фигуре католикоса Нерсеса (Аштаракечи), пожалуй, наиболее ярко воплотилась дилемма имперской власти – примирение внутригосударственной и внешнеполитической логики. С одной стороны, Нерсес был опытным и, как считалось, эффективным администратором. Он основал в Тифлисе академию и в 1830 году стал первым архиепископом в новой российской епархии. Кавказский наместник Михаил Воронцов писал, что назначение Нерсеса католикосом “имело самое полезное влияние на устройство Армянской церкви и приведение дел ее в порядок.” Влияние Нерсеса за границей было ещё более значительным. Несколько преувеличивая и явно стремясь оправдать его выборы в 1843 году, официальное сообщение провозглашало, что “едва разнеслась весть о избрании главы Армянской Церкви, как имя Нерсеса раздалось из всех уст, повсюду: от берегов Ганга до берегов Невы, от Карпата до Иммауса.” МВД приписывало Нерсесу заслугу подчинения Константинопольского патриарха и повышения иностранных пожертвований в пользу монастыря. Частично благодаря его усилиям

²⁶ По поводу этого недовольства см. СПб ФИВ РАН АВ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 141; ССЦСА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 889, особенно Лл. 21-33об.; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 1. Лл. 16-36, 151-189; РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 830. Л. 41; и РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 15об., 63-65, 76; Ashjian. *Catholicoi of Etchmiadzin*. Pp. 70-71; Bardakjian. *Armenian Patriarchate*. P. 100; В. С. Дякин. Национальный вопрос во внутренней политике царизма, XIX – начало XX вв., Санкт-Петербург, 1998. С. 701-711.

²⁷ Избрание Верховного Патриарха. С. 15-48; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 31. Лл. 117-141; ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 687. Лл. 8об.-9; Эристов. Патриарх всех армян. С. 14.

в 1844 году Порты разрешила прямые сношения турецких армян с Эчмиадзином. Армянское общество Константинополя согласилось признать Нерсеса и накануне Крымской войны даже выразило готовность иметь постоянного нунция Эчмиадзина в своём городе.²⁸

С другой стороны, многие считали Нерсеса властолюбцем, нерасположенным уважать Положение 1836 года. Начальник Кавказской администрации князь Паскевич видел в Нерсесе корыстолюбивого интригана. С присоединением восточной Армении в 1828 г. он удалил его с Кавказа во внутреннюю Россию, назначив (в 1830 г.) начальником новой армянской епархии в Бессарабии, хотя это удаление, кажется, не лишило Нерсеса влияния на эчмиадзинские дела.²⁹ Став католикосом в 1843 году, Нерсес решительно сопротивлялся ограничениям, прописанным в Положении, противоречившим, как ему казалось, достоинству и историческим привилегиями католикоса. Отвергая какие-либо канонические основания за Синодом, он свёл его значение почти к нулю и не заполнял образовавшиеся в нём вакансии. Он также отказался назначать новых епископов, оставляя их места вакантными, управляя через своих наперсников и полностью распоряжаясь их доходами. Архиепископ Нахичеванский горько жаловался в Санкт-Петербург на то, что католикос, рассматривая всё «с точки зрения азиатского самовластия», совершенно не считался с Положением: «неповиновение Патриарха законам есть источник всех беспорядков и бедствий, как в моей Епархии, так и в Армянском Духовенстве в России вообще». Поддерживая мнение архиепископа, МВД согласилось, что «неограниченное самовластие Патриарха Нерсеса проявляется во всех

²⁸ Избрание Верховного Патриарха. С. 48 (цитата); Гукасян. Константинопольские армяне. С. 45–46; ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 687. Лл. 9–10; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 28об.-29, 32; Ronald Grigor Suny. Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History. Bloomington, 1993. С. 40. С 1844 года константинопольский патриарх был признан постоянным нунцием католикоса. См. Bardakjian. Armenian Patriarchate. С. 96. Всё же следует подчеркнуть условность того подчинения Эчмиадзину. См. Kane. Pilgrims, Holy Places. Pp. 144–148. О ранней карьере Нерсеса, см. Bournoutian. Eastern Armenia. Pp. 103–106.

²⁹ См. Князь Щербатов. Генерал-Фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность. С.-Петербург, 1891. Т. 3. С. 317–322; Тунян. «Положение». С. 3–4. По мнению Кейна, причины правительственного решения утвердить Нерсеса, несмотря на прежние старания удалить его из Эчмиадзина, следует искать в положительной оценке его Михаилом Воронцовым и в военной ситуации на Кавказе, заставлявшей власти искать авторитетных союзников. См. Kane. Pilgrims, Holy Places. Pp. 142–143.

его действиях».³⁰ С этой точки зрения государство приобрело католикоса, пользовавшегося уважением за границей, но плохо управляемого «дома». Иными словами, Нерсес, как впоследствии и его преемники, понимал должность и предназначение католикоса иначе, нежели самодержавие, считавшее его государственным служащим, ограниченным законом и коллегиальной формой управления.³¹ Показательно, что Нерсес умер с пером в руке, над недописанным отношением на имя министра внутренних дел, в котором речь шла о защите прав католикоса.³²

Однако, несмотря на все эти трудности внутригосударственного характера, международная ситуация выдвинула на передний план внешнеполитический аспект. В результате Крымской войны к моменту смерти Нерсеса в 1857 году связи между Константинополем и Эчмиадзином вновь оказались прерваны, а Порты с ещё большим подозрением относилась к русскому вмешательству. Более того, западные державы, пользовавшиеся значительным влиянием на Османскую империю, все активнее стремились вовлечь её армянское население в сферу своего воздействия, – отчасти для того, чтобы заблокировать распространение России на юг. Западные миссионеры начали появляться даже на восточных окраинах Анатолии и в Персии, обращая армян в католицизм и протестантизм.³³ В 1874 году российский посол Н. П. Игнатъев описывал, как в 1850 – 1860-е годы под руководством Франции и Британии протестанты и католики делали всё возможное

³⁰ Эрстов. Патриарх всех армян. С. 5–8; Варганян. Армянско-Григорианская церковь. С. 8, 17; СПб ФИВ РАН АВ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 81; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 12об.-14об.; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 31. Лл. 1–102об. (цитаты на лл. 26, 27об. и 43); СПб ФИВ РАН АВ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 141. Лл. 3–3об.; Дякин. Национальный вопрос. С. 102; Тунян. «Положение». С. 67–92. Этот конфликт никогда не был разрешен и прекратился лишь по смерти Нерсеса в 1856 г.

³¹ СПб ФИВ РАН АВ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 141. Такое разногласие получило ясное отражение в конфликте между Архиепископом Нахичевани и Нерсесом. См. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 31.

³² О смерти Нерсеса см. Ashjian. Catholicoi of Etchmiadzin. С. 66.

³³ Католикос Иоаннес указывал на угрозу «английских миссионеров» (как оказалось, несколько преувеличивая) уже в 1830-х годах. См. ССЦСА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 699. Но все же до известной степени присутствие западных держав ощущалось даже до Крымской войны. См. Kane. Pilgrims, Holy Places. Pp. 135–136. О миссионерах в Османской Империи вообще (особенно позже, в XIX веке), см.: Jeremy Salt. Imperialism, Evangelism and the Ottoman Armenians, 1878–1896. London, 1993; Selim Deringil. The Well-Protected Domains: Ideology and the Legitimation of Power in the Ottoman Empire, 1876–1909. London, 1998. Ch. 5.

для того, чтобы распространить в армянском населении недовольство Положением 1836 года, подорвать его связи с Эчмиадзином и духовно подчинить его Сису, находившемуся в Турции.³⁴ В 1857 году наместник А. И. Барятинский писал: “или Армяне (Турецкие) бросятся в наши объятия, или обратят свои желанья и симпатии к какой-нибудь другой державе”.³⁵

В этих условиях имперские чиновники видели больше преимуществ в наличии на патриаршем престоле османского подданного, способного удовлетворить константинопольских армян. Когда это сообщество поддержало Матеоса (Чухаджяна), предыдущего константинопольского патриарха, Санкт-Петербург не стал препятствовать константинопольской общине, а она воспользовалась своим перевесом – 90 из 116 голосов – в избирательном собрании в Эчмиадзине.³⁶ Даже несмотря на отрицательные оценки Матеоса, полученные из российского посольства в Константинополе, император его утвердил в звании католикоса.³⁷ Таким образом, в 1858 году, впервые за пятьдесят лет, католикосом стал османский подданный. Описывая реакцию властей, армянской общины и разных делегаций в Тифлисе, куда Матеос прибыл после избрания, директор канцелярии кавказского наместника писал: “Вообще его избрание рассматривают как торжество нашей политики на Востоке... Есть лица, утверждающие, что настоящее избрание составляет для России широкую победу, стоящую по своему значению, быть может, выше всего, что она приобрела оружием”.³⁸

С точки зрения внутривластной, однако, правление Матеоса было ещё более “произвольным”, чем предыдущее. Как и Нерсес, Матеос отвергал принцип коллегиального управления и назначал епис-

копов без одобрения правительства. Его отношение к Положению 1836 года стало очевидным, когда он предложил новые правила, направленные на обеспечение католикосу независимости от светской власти, уничтожение Синода в пользу сугубо консультативного совета. Монахи Эчмиадзина также жаловались на нарушения Матеосом церковных правил, продолжал католикос и борьбу с епископом нахичеванским.³⁹ При нем противоречие между внутривластной и внешнеполитической логикой рассмотрения армянской церкви особенно обострились: влияние Эчмиадзина в Константинополе напрямую зависело от готовности имперского правительства пренебречь своими собственными законами и позволить католикосу управлять, полагаясь на исторические установления апостольской церкви.

Между тем, ситуация в Османской империи в начале 1860-х годов сделала ещё более очевидной необходимость укрепления связей между католикосом и зарубежными армянами. Особенно щекотливой эта задача выглядела теперь применительно к константинопольской общине, к 1863 году добившейся (на основе реформаторского декрета хатти-и хумаюн от 1856 года) утверждения новой “конституции” (Сахманатрутьюн), регулировавшей её самоуправление. Российское правительство было настолько озабочено последствиями обретения турецкими армянами нового статуса и их возможной переориентацией на сисского католикоса, что даже серьёзно обсуждало возможность пересмотра Положения 1836 года с участием армян – иностранных подданных и согласования его с канонами армянской церкви. Посол Игнатъев взывал из Константинополя: “теперь, когда вековое верование армянского народа в защиту и покровительство России начинает колебаться... – теперь, более чем когда-либо, становится необходимым устранить всякие причины, могущия охлаждать к нам доверие народностей, которых покровительство было, в продолжение стольких веков, нашим политическим символом на Востоке.”⁴⁰ Соответственно, после смерти Матеоса в 1865 году даже МВД высказалось за желательность турецкого католикоса.⁴¹

В то же время имперское правительство начало обращать более пристальное внимание на детали участия в выборах армян из Турции,

³⁴ Записка Графа Н. П. Игнатъева (1864-1874), на французском языке // Известия Министерства иностранных дел. 1914. Т. 3. № 1. С. 125-126; СПб ФИВ РАН АВ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 118. Лл. 4, 9об.

³⁵ Эрстов. Патриарх всех армян. С. 95-96 (цитата). По поводу изменившейся ситуации в Константинополе, см.: РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 32об.-37об.; ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 687. Лл. 10-11; ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1177. Лл. 4об., 22об.-24; Акты, собранные Кавказскою Археографическою Комиссиею (далее: АКАК). Т. 12. Тифлис, 1904. С. 532-536.

³⁶ В Эчмиадзин прибыли всего два западноармянских делегата, но они представляли 90 голосов от 45 османских епархий.

³⁷ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 687. Л. 11; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 37об.-38; АКАК. Т. 12. С. 531; Ashjian. Catholicoi of Etchmiadzin. P. 67-68.

³⁸ Цит. из: В. Г. Тунян. Эчмиадзинский престол, XIX – начало XX вв. Ереван, 2001. С. 60.

³⁹ ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1177. Лл. 6об.-8об.; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 36об.-40об., 63об.-64; ССЦСА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 889. Лл. 39об.-40.

⁴⁰ СПб ФИВ РАН АВ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 118. Лл. 7об.-8.

⁴¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 41-45об.; СПб ФИВ РАН АВ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 141. Лл. 3-3об.

особенно в свете значительных изменений в организации турецкого сообщества. Ещё до войны новое поколение армян, получивших образование во Франции, заняло более активную позицию в общественных делах и начало оспаривать преимущества традиционной армянской знати (амир) при принятии коллективных решений.⁴² В результате получения Сахманатрутьюна от султана “молодые армяне” смогли сломить клерикальный контроль и, следовательно, амирское господство в миллете. В то время как Сахманатрутьюн консолидировал управление армянами всей империи в Константинополе, сами армяне все более европеизировались, а их сознание национализировалось по сравнению с более традиционным сознанием армянской аристократии.⁴³ Терпение и упорство Игнатьева помогли предотвратить отпадение турецких армян от Эчмиадзина, но вслед за этим успехом возникла новая опасность: воспользовавшись большим числом армянских епархий в Османской империи, константинопольское общество могло распространить новую идеологию среди российских армян, ценившихся российскими властями за свою аполитичность.

По этой причине российское правительство стало искать возможности увеличить участие в делах общества более прорусски настроенных османских армян, живших вне столицы.⁴⁴ Исторически сложилось, что съезд османских армян, на котором обсуждалась фигура нового католикоса, устраивался в Константинополе. Именно его община удерживала почти полный контроль над этим процессом, и Сахманатрутьюн 1863 года лишь укрепил эту монополию. Один или два представителя, делегировавшиеся турецкими армянами в Эчмиадзин, имели право голосовать от лица всех армянских епархий Османской импе-

⁴² Например, в 1858 году константинопольские армяне, проживающие во Франции, обратились к России с просьбой не утверждать Матеоса. См. Тунян. Эчмиадзинский престол. С. 57-58.

⁴³ По поводу этих процессов см. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 474. Лл. 40об.-41; Nersoyan. Laity in the Administration. С. 108-113; Libaridian. The Ideology of Armenian Liberation. С. 102-122; Vartan Artinian. The Armenian Constitutional System in the Ottoman Empire, 1839-1863. Istanbul, 1988, особенно р. 51-91; Roderic Davison. Reform in the Ottoman Empire, 1856-1876. New York, 1973. Pp. 60-62, 114-135; Louise Nalbandian. The Armenian Revolutionary Movement: The Development of the Armenian Political Parties through the Nineteenth Century. Berkeley, 1963. Pp. 42-48; Hagop Barsoumian. The Eastern Question and the Tanzimat Era // The Armenian People. Pp. 195-198.

⁴⁴ Чиновник российского посольства в Константинополе Н. Иванов обратил внимание на это различие: ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 1177. Лл. 5, 15, 18.

рии. Учитывая, что российский император, желая привлечь турецких армян, опасался отвергать кандидата, получившего большинство голосов, можно констатировать, что выборы католикоса происходили в Константинополе в той же мере, что и в Эчмиадзине, а армяне, проживавшие за пределами османской столицы, играли в них в лучшем случае ограниченную роль.⁴⁵

Санкт-Петербург признавал этот факт и высоко ценил способность своего посольства в Константинополе создавать консенсус среди тамошних армян вокруг кандидатуры наиболее желательного кандидата. Так, по словам Игнатьева, в 1866 году “громadных усилий” стоило уничтожить влияние профранцузской партии и достигнуть единодушного избрания предпочитаемого Россией Кеворка, который был позже избран и в Эчмиадзине.⁴⁶ Но начиная с 1860-х гг. Петербург начал искать возможности сломить константинопольскую монополию путём привлечения армян из провинции, учитывая опасности, проистекавшие из усиленного западного влияния на столицу. Например, в 1865 году МИД нашел необходимым, чтобы правительство “гарантировало чрез посольство наше в Константинополе доступ к выборам в Эчмиадзин депутатов от всех армянских епархий в Турции для того, чтобы таким образом воля народа выражена была не одной Константинопольскою партией, а большинством нации”. Всё же только в 1884 году правительство принялось настаивать на этом принципе, объявив, что любой делегат или документ из Константинополя будет воспринят как выражающий волю лишь константинопольской епархии, а не всех османских армян.⁴⁷

С выборами в 1866 году Кеворка, бывшего прежде епископом в Турции, предпочтение, отдаваемое Петербургом османским кандидатам, начало вызывать раздражение у российских армян, а особенно у Эчмиадзинского духовенства.⁴⁸ Решительно недовольные Матеосом,

⁴⁵ Исключением в этом отношении, конечно, являлось избрание Иоаннеса в 1831 г. Следует заметить, что в силу изменения обстоятельств все выборы на самом деле были уникальными, и невозможно указать на какие-то “типичные” выборы.

⁴⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 49об.-50; Записка Игнатьева. С. 125-126. А что касается Кеворка, то посольство сообщило мнение французских газет о том, он “est vendu corps et âme à la Russie”. ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 687. Л. 12.

⁴⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 44-45об., 48об.-51, 55-57 (цитата на л. 45об.); РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 830. Л. 39; Дякин. Национальный вопрос. С. 474; Тунян. Эчмиадзинский престол. С. 94-95, 100.

⁴⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 31. Лл. 125об.-126. В то же время следует подчеркнуть, что Кеворк активно занимался вопросом увеличения авторитета Эчмиадзина в

некоторые представители клира были еще более раздражены перспективой очередного турецкого кандидата, тем более, что они подвергались давлению со стороны российских чиновников, желавших единогласного избрания Кеворка. “Надменность” Османской делегации только усиливала раздражение. Присутствовавший на выборах представитель МВД заключил, что попытка правительства поддержать единство среди епархий поставила его “в зависимость не совсем приличную от наглых требований Сахманатрутьяна и восстановила против себя самое преданное Правительству духовенство наших армянских епархий, равно как и значительное число светских армян, которые, откровенно говоря, в покровительстве турецкому большинству видят одну только нашу слабость”.⁴⁹ Нужно подчеркнуть, что одной из важнейших функций Эчмиадзинского духовенства – а в особенности членов Синода – было коллегиальное управление армянскими духовными делами вместе с католикосом. Так ограничивалась власть католикоса, и правительство вряд ли могло позволить себе отчуждение эчмиадзинского духовенства.

Противоборство и реорганизация

Убеждение, что Эчмиадзин мог бы послужить полезным орудием российской внешней политики, никогда полностью не исчезало из видения правительством армянского церковного вопроса. Однако к 1890-м годам Санкт-Петербург пересмотрел свою традиционную политику поддержки власти католикоса и пустился по новому курсу, завершившемуся неудачной попыткой секуляризации имущества армянской церкви в 1903-1905 годах. Помимо общегосударственной политики русификации, принятой в 1880-е гг., за этой переориентацией стояли два основных фактора. Во-первых, большинство административных проблем, описанных выше, сохранялось и даже обострялось. В то время как католикос боролся за консолидацию власти над зарубежными армянами, управление армянскими церковными делами внутри России становилось, во всяком случае в глазах Петербурга, все более хаотич-

ным и неконтролируемым. Во-вторых, подъём армянского национализма заставил пересмотреть традиционное государственное покровительство Эчмиадзину: вместо инструмента распространения российского влияния за рубежом католикос предстал проводником опасных идей об армянской независимости из Османской империи в Россию. Начиная с 1890-х отношения государства и армянской церкви для Петербурга стали включать борьбу с армянским сепаратизмом, которая в конце концов потребовала радикальных мер для очищения армянского духовенства от “политики”.

Одним из тех, кто первым публично усомнился в российской политике по отношению к Эчмиадзину, был редактор “Московских ведомостей” Михаил Катков. Он не только критиковал широкую автономию, которой, в отличие от других конфессий, пользовалась армянская церковь, но и заявлял (1866 г.): “Национальная церковь не может не иметь политического характера, а в данном случае нельзя отрицать, что этот политический характер не вполне тождествен с обязанностями русского подданства”. В этой связи Катков вспомнил о том, что в ходе Крымской войны Нерсес продолжал назначать епископов в турецкие епархии, имел сношения с турками через персидских посредников, а после войны даже угрожал Министерству внутренних дел, намекая, что будет искать покровителя для армян среди западных держав. Катков заключил, что российские интересы не должны допускать “присутствия в пределах России такого русского подданного, который в то же время считает себя какою-то международной силою”. На этом основании Катков усомнился даже в желательности нахождения престола католикоса в границах России, утверждая, что это “обоюдоострый меч”. С его точки зрения, единственно желательным для католикоса был бы отказ “от всякого политического влияния на свою паству, считая себя представителем не гайканского народа, а григорианского исповедания и строго ограничиваясь религиозными делами, которых у него немало”.⁵⁰ По Каткову, если Россия хотела искоренить

Турции, хотя главной цели в этом отношении (учреждения викариатства в Константинополе) не добился. См. ССЦСА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 263; и ССЦСА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 763.

⁴⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 54об.-55. Эти строчки не цитируются в оригинале как слова самого наблюдателя, но конструкция текста позволяет заключить, что это действительно были его слова.

⁵⁰ Считая себя происходившими от Гайка, будто бы внука Яфета и правнука Ноя, армяне смотрели на католикоса как на представителя всего “Гайканского народа”. Эта формулировка нашла себе место в Положении 1836 года, в котором использовалась формулировка “Верховный Католикос Гайканского народа” и определялось, что он избирается “всем Гайканским народом Армяно-Григорианского исповедания”. См. Свод Законов. 1857. Т. 11. Ч. 1. Статьи 914-915; Армяно-Григорианская церковь // ЖМВД. 1843. Ч. 3. С. 187-188. Несмотря на эти универсальные притязания, на самом деле не все армяне принадлежали к григорианскому исповеданию.

в армянской церкви “политику”, она не должна была стремиться к духовному подчинению турецких армян Эчмиадзину.⁵¹

Даже если взгляды Каткова разделяли далеко не все высшие чиновники, в середине 1860-х гг. они не выглядели особенно экстравагантно. Польское восстание 1863 года существенно сместило приоритеты самодержавия в сторону укрепления связей между центром и окраинами, а также помогло окрасить имперскую политику в гораздо более националистические цвета – процесс, в котором сам Катков играл центральную роль.⁵² В 1865 году, на особой конференции, посвящённой католикосу, кавказский наместник Барятинский выдвинул тезис о том, что повышение политической значимости Эчмиадзина неизбежно будет содействовать “сепаратизму”. Министр внутренних дел Пётр Валуев также подчеркнул необходимость избегать всего, что может даже косвенно содействовать развитию стремления российских или зарубежных армян к национальной независимости.⁵³

Тем не менее, на протяжении 1870-х гг. отношение правительства к католикосу оставалось двойственным. Вновь обращаясь к этому вопросу после русско-турецкой войны 1877-1878 годов, МВД подчеркнуло нежелательность открытой конфронтации с католикосом, заметив, что вместо того, чтобы бороться со стремлением армян к независимости, следовало бы уничтожить причины, порождающие это стремление: “Патриарх не может не сознавать, что правительство не вполне довольно образом его действий. Такое сознание при важности интересов, привязывающих его к России и к Эчмиадзинскому престолу, всегда воздержит его от крайностей, если только он не будет поставлен в безвыходное положение”. Министерство иностранных дел по понятным причинам было ещё более снисходительно. Признавая, что Положение 1836 года действительно лишило католикоса некоторых привилегий и что совершенно нереально ожидать от пожилого человека, выросшего в “самовластной” атмосфере Турции, того, что он неожиданно подчинится законам вновь обретённой им страны, министерство заключало: “Мы силою вещей вынуждены делать духовному вла-

дыке армян возможные уступки”. Далее: “Россия достаточно сильна, чтобы не опасаться последствий некоторых послаблений по отношению к действиям Католикоса: снисходительностью и терпимостью она только может ещё более укрепить свой авторитет и своё влияние среди его паствы”. Таким образом, подбодренное военной победой над Турцией и умиряющим эффектом, который она возымела на Кеворка, правительство решило избегать открытой конфронтации.⁵⁴

Однако когда в 1882 году Кеворк умер, маятник вновь качнулся в сторону российского подданного на Эчмиадзинском престоле. Российское посольство в Константинополе считало, что утверждение ещё одного турецкого кандидата сделает Эчмиадзин “рассадником политических интриг”, а эчмиадзинское духовенство, раздражённое действиями правлений двух предыдущих католикосов, желало избрать архиепископа Нахичевано-Бессарабской епархии Макария, российского подданного. На фоне этих настроений особое совещание (1883 г.) решило в будущем отдавать предпочтение российским кандидатам. Желание видеть католикосом российского подданного было столь велико, что впервые император утвердил кандидата, получившего меньшее количество голосов на выборах в Эчмиадзине (хотя сомнения по поводу взглядов и благонадёжности второго кандидата также играли известную роль).⁵⁵ Таким образом, Макарий (Техутци) официально стал католикосом в июле 1885 года, и когда константинопольская община признала его католикосом в ноябре того же года, чиновники внутренне- и внешнеполитического ведомств истолковали решение турецких армян как победу российских законов, в частности Положения 1836 г.⁵⁶

Правление Макария позволяет наглядно увидеть практически неразрешимые противоречия российской политики относительно католикоса. Российский подданный был избран на престол в 1885 году в силу желания имперских властей иметь католикоса, который бы безоговорочно подчинялся российским законам. Но именно соблюдение

⁵¹ М. Н. Катков. Собрание передовых статей Московских ведомостей 1866 года. Москва, 1897. С. 449-451.

⁵² О роли Каткова в процессе “национализации” русской политики см. Andreas Renner. Defining a Russian Nation: Mikhail Katkov and the “Invention” of National Politics // Slavonic and East European Review. 2003. Vol. 81. No. 4. Pp. 659-682.

⁵³ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 41-43; Дякин. Национальный вопрос. С. 706-708.

⁵⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 70об.-77 (цитаты на лл. 72об. и 75).

⁵⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 474. Л. 42; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Лл. 77об.-79; “Материалы, извлеченные из дел МВД” // РГИА. Печатные записки. Папка 2715. С. 22; Меликсет-Беков. Юридическое положение. С. 16; Ashjian. Catholicoi of Etchmiadzin. С. 77-97; Туян. Эчмиадзинский престол. С. 91-116. Вообще эти выборы были очень сложными и их пришлось повторять, чтобы добиться желаемого результата.

⁵⁶ Туян. Эчмиадзинский престол. С. 119.

Положения 1836 года скомпрометировало бы позицию Макария в глазах зарубежных армян – как из-за непопулярности самого Положения, так и в силу обстоятельств его избрания. Поэтому Макарий попросил у правительства некоторых уступок в отношении управления церковью, и оно, зная слабую позицию нового католикоса, пошло навстречу. Макарий получил особые привилегии в делах управления армянскими школами, которые правительство ранее старалось взять под свой контроль. Но, несмотря на всё это, управление армянскими религиозными делами не наладилось. Напротив, государственный отчет позже заключил: “Добиваясь уступок от правительства, католикос весьма недвусмысленно относился почти ко всем его справедливым требованиям, отклоняя оные нередко даже в дерзкой форме и до крайности затрудняя деятельность гражданского начальства”. Более того, когда судебные инстанции на Кавказе приказали армянскому духовенству приводить свидетелей к присяге по-русски, Макарий издал указ, запрещающий это.⁵⁷ Таким образом, будучи российским подданным, Макарий тем не менее создал для имперской администрации ещё больше проблем, чем его предшественник. По словам возглавлявшего кавказскую администрацию князя Григория Голицына (1902 г.), “в сане Патриарха это был едва ли не худший из всех Эчмиадзинских патриархов, не исключая и прибывших из Турции”.⁵⁸

К концу 1880-х гг. отношение имперской власти к армянам значительно ухудшилось. Смутные опасения “сепаратизма” переросли в убеждение, что часть армянской интеллигенции стремится к возрождению Армянского царства и что церковь является частью этой национальной программы.⁵⁹ Уже в 1882 году, после смерти Кеворка, кавказский наместник писал: “Благодаря привилегированному у нас положению Эчмиадзинского патриарха и бесконтрольному влиянию его на армянские учебные заведения почва для развития идеи о ‘крупной Армении’ до известной степени подготавливается.”⁶⁰ Начиная с

1870-х гг. Санкт-Петербург делал попытки подчинить армянские школы государственному контролю. Год от года эти попытки встречали упорное сопротивление, причем армяне ссылались на Положение 1836 года, возлагавшее контроль над школами на церковь. Дело осложнилось тем, что к тому времени даже Синод поддерживал католикоса против государства.⁶¹

Все эти обстоятельства и общая репрессивная атмосфера при Александре III способствовали тому, что имперское правительство близко подошло к принятию позиции Каткова, изложенной за четверть века до того. Лишь за два месяца до смерти Макария, в апреле 1891 года, собралось ещё одно совещание, посвящённое продолжавшимся “недоразумениям” в делах с Эчмиадзином.⁶² Оно подтвердило, что в первой половине столетия католикос “пользовался совершенно исключительным влиянием” на армян, и потому правительство действовало правильно, поддерживая его статус и жалуя армянской церкви широкие привилегии. Но с появлением в Константинополе “Национального собрания” (учрежденного на основании “Сахманатрутьюна”) у армян возник другой политический центр, подрывавший “прежнее обаяние Эчмиадзинского патриаршего престола”. И действительно, уникальный статус Католикоса “был потерян безвозвратно” и никакие привилегии, дарованные Санкт-Петербургом, не смогли бы его возродить. Не отрицая некоторого политического значения престола, совещание вынуждено было признать, “что в распоряжении правительства не имеется способов и средств, чтобы обратить католикоса в послушное орудие наших политических целей”. Совещание заключило, что правительство должно требовать строгого выполнения законов и полного подчинения армянских школ Министерству народного просвещения. Петербургу следует отказаться от активного вмешательства в отношения Эчмиадзина с зарубежными армянами, а при новых выборах “придерживаться наблюдательного положения”, сохраняя, конечно же, право не утверждать кандидата, открыто враждебного России.

⁵⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 474. Лл. 42-43об. (цитата на Л. 42об.); РГИА. “Материалы, извлеченные из дел МВД”; РГИА. Печатные записки. Папка 2715. С. 22-23.

⁵⁸ Цитирую по: Тунян. Эчмиадзинский престол. С. 146.

⁵⁹ Об образе армян как заговорщиков и о националистических элементах в возникающих армянских партиях см.: Suny. Looking Toward Ararat. P. 42-51, 68-78.

⁶⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 175. Л. 79об. Отношения между армянскими революционными партиями были более сложными, чем утверждается в таких заявлениях, но Налбандян замечает, что если в 1860-е годы главное интеллектуальное направление среди армян вело к атеизму, то в 1870-е годы церковь стала средоточием армянской жизни и считалась воплощением нации. См. Louise Nalbandian. P. 57.

⁶¹ О школах, см. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 474. Лл. 48об.-51; Suny. Looking toward Ararat. С. 44-47, 69; В. Г. Тунян. Эчмиадзинский вопрос в политике России, 1873-1903 гг. Ереван, 2002, особенно с. 155-206. Сиракан Тигранян. Вопрос об армянских церковных школах в России // Кавказский вестник. 1905. № 3. Ноябрь. С. 58-82; и также записку Департамента духовных дел иностранных исповеданий: Записка об Армянских школах. СПб, 1911.

⁶² В этом совещании, так и в других подобных, принимали участие министры внутренних дел, народного просвещения и иностранных дел, а также глава управления Кавказом (наместник или главноуправляющий).

Это был первый однозначный выбор власти в пользу внутригосударственной логики. Даже МИД – традиционный защитник католикоса – не возражал против этих изменений.⁶³

Скорая смерть Макария дала государству возможность продемонстрировать своё безразличие к выборам 1892 года. Судя по всему, правительство действительно воздерживалось от вмешательства в выборы, что подтверждается фактом избрания османского подданного. Новый католикос Мкртич (Хримиан) прежде служил архиепископом Ванским и патриархом Константинопольским, а также представлял армянские интересы на Берлинском конгрессе.⁶⁴ В его правление противостояние Петербурга и Эчмиадзина достигло своего зенита. Проблемы возникли почти сразу же, так как сначала султан не пожелал снять с Мкртича османское подданство, вероятно, из-за его деятельности в Берлине, и дал своё согласие только после заступничества российского поверенного в Константинополе.⁶⁵ Мкртич брал пример со своих предшественников, сопротивлялся Положению 1836 года и отказывался отменить приказ Макария о присягах. Мкртич открыто нарушил постановления, требовавшие коллегиального решения армянских брачных дел, а также устранил от церковных дел единственного оставшегося члена Синода, которого Петербург считал надёжным. Далее без ведома правительства в 1890-е годы Мкртич признал учреждение двух зарубежных епархий, в Англии и Америке, имевших в принципе право принимать участие в выборах католикоса.⁶⁶ МВД скоро

⁶³ РГИА. Материалы, извлеченные из дел МВД. Папка 2715. С. 19-25. Заключение совещания также изложено в РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 474. Лл. 43об.-44об. Министром иностранных дел в то время был Николай Гирс.

⁶⁴ Libaridian. *Ideology of Armenian Liberation*. P. 160-169; Nalbandian. *Armenian Revolutionary Movement*. Pp. 53-55; Richard G. Hovannisian. *The Armenian Question in the Ottoman Empire, 1876 to 1914 // The Armenian People*. Pp. 209-211; Г. А. Джаншиев. Патриарх-Католикос Мкртич. Москва, 1893; Эчмиадзинский патриаршеский престол и армянские католикосы // Исторический вестник. 1892. Т. 49. Июль. С. 159-164. Статья 61 Берлинского трактата обязывала Порту провести реформу для улучшения положения армян. Именно в это время армянский вопрос стал предметом международного регулирования. Описание посвящения Мкртича в сан католикоса см.: Lynch. *Armenia: Travels and Studies*. Pp. 251-256.

⁶⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 474. Лл. 45-45об.; Тунян. Эчмиадзинский престол. С. 135.

⁶⁶ Правительство узнало об этих епархиях только в 1907 г. и запретило их участие в выборах в 1908 г. ввиду позднего сообщения об их существовании, но в в последних выборах при “старом режиме”, в 1911 году, они получили право участвовать. См. РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 302 и РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 39. Л. 443.

пришло к выводу, что Мкртич стремился “к установлению полной независимости церковной власти от светской”.⁶⁷

Бессилие имперских чиновников в этом деле поразительно. Они не только не обладали механизмом, способным заставить католикоса подчиниться, но даже не располагали законом, позволявшим сместить неугодного католикоса с его поста (это просто не предусмотрели при составлении Положения 1836 года). В итоге некоторые чиновники поддержали экстремальные меры воздействия на духовенство, гарантировавшие заодно и неиспользование церковных денег на революционные нужды, т.е. конфискацию имущества армянской церкви. В то же время по данному вопросу в правительственных кругах единства не было. Многие утверждали, что эта мера будет как неэффективной, так и явно нарушающей права собственности. Когда дело обсуждалось в Комитете министров, 12 его членов во главе с Сергеем Витте (против 5) выступило против конфискации. Меньшинство же утверждало, что государству не удастся взять под контроль армянские начальные школы, поскольку духовенство объявило их собственностью приходских церквей. Перспектива длительных судебных разбирательств убедила меньшинство в том, что наиболее целесообразной была бы простая конфискация церковного имущества. Без каких-либо оговорок, несмотря на все сомнения большинства и на само Положение 1836 г., ясно закрепившее за армянской церковью право распоряжения своим имуществом, Николай II принял мнение меньшинства. Конфискация имущества армянской церкви началась в 1903 году.⁶⁸

Встреченная решительным объединённым сопротивлением армянского народа под руководством Армянской Революционной Федерации (Дашнакцутюн), конфискация закончилась полным крахом.⁶⁹ Сам

⁶⁷ Там же. Лл. 45-48 (цитата на Л. 48); Г. Егиазаров. Несколько слов об армянском духовенстве. Кишинев, 1909. Автор этой брошюры – видимо, армянин – утверждает, что при Мкртиче “воцарил беспорядок”.

⁶⁸ Основания для такой меры разъясняются в: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 474; Высочайше утвержденное 12 июня 1903 Положение Комитета Министров // РГИА. Печатные записки. Папка 745; Тунян. Эчмиадзинский вопрос. С. 155-203; А. Куликов. Армянская церковь России как юридическое лицо // Кавказский вестник. 1905. № 2. С. 69-76.

⁶⁹ Действительно, если Армянская Революционная Федерация раньше смотрела на церковь амбивалентно, то конфискация церковных имений объединила эти две силы, усилила национальный характер Федерации и убедила ее членов расширить свою деятельность за пределы Османской империи, в Россию. См. Suny. *Looking toward Ararat*. P. 48-49; Anahide Ter Minassian. *Nationalism and Socialism in*

католикос Мкртич отказался подчиниться закону, заявив, что он был разработан без его участия. Активные волнения в Закавказье, так же как и общий кризис самодержавия, к началу 1905 года заставили правительство назначить более либерального Иллариона Воронцова-Дашкова на восстановленное Кавказское наместничество. Одним из его первых актов была приостановка конфискации для нейтрализации Дашнакцутюн.⁷⁰ Таким образом, политика конфронтации оказалась не более эффективной, чем политика задабривания.

Нерешительность после 1905 года

Сам по себе отказ от конфискации армянского церковного имущества не мог решить основные противоречия между внутри- и внешнеполитическими приоритетами в отношении католикоса. Причины, побудившие наместника и МИД снова вспомнить о международном значении Эчмиадзина, следует искать, в частности, в переоценке российских внешнеполитических целей после неудачной войны с Японией, особенно при министре иностранных дел А. П. Извольском (1906-1910 гг.). На фоне растущей нестабильности на Балканах и проявления немецкого влияния в Турции имперское правительство старалось предотвратить “преждевременный” распад и раздел Османской империи и вместе с тем – возможность захвата проливов третьей державой, что нарушило бы *статус кво*. Извольский считал, что при необходимости Россия должна действовать в восточном вопросе решительно. Политические революции в Персии (1906-1911 гг.) и в Османской империи (1908-1909 гг.) еще более усложняли ситуацию, и их влияние на зарубежных армян оставалось открытым вопросом. В этом контексте царские чиновники, занимавшиеся внешней политикой страны, старались не раздражать армян новыми посягательствами на права их

the Armenian Revolutionary Movement (1887-1912) // Ronald Grigor Suny (Ed.) *Transcaucasia, Nationalism, and Social Change: Essays in the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia*. 2nd ed. Ann Arbor, 1996. Pp. 166-168; Gerard J. Libaridian. *Revolution and Liberation in the 1892 and 1907 Programs of the Dashnaktsutjun* // *Ibid*. Pp. 194-196.

⁷⁰ “Об исполнении Высоч. утв. 12 июня 1903 Положения Комитета Министров” и “Отношение Министра Земледелия и Государственных Имуществ Сергею Ю. Витте 24 февраля 1905” // РГИА. Печатные записки. Папка 745; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 18; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 283; Дякин. Национальный вопрос. С. 45-50, 473-482; Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта Графа Воронцова-Дашкова. СПб, 1907. С. 8-9.

церкви. К 1912 году Петербург даже хотел реактивизировать армянский вопрос, что было трудно, пожалуй, даже невозможно, без содействия католикоса. Таким образом, сочетание факторов: меняющиеся внешнеполитические цели, политические события в Турции и Персии, назначение Воронцова-Дашкова – заставило Петербург отступить от конфронтационной политики двух предыдущих десятилетий.⁷¹

Это не значит, однако, что правительство, и в особенности МВД, снова взялось за старую политику без изменений и колебаний. После смерти Мкртича в октябре 1907 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин вспомнил о предложении бывшего главы администрации Кавказа Голицына низвести католикоса “на степень обыкновенного духовного начальника” с ограничением района его ведомства только пределами Российской империи. Непризнание “вселенского значения” католикоса лишило бы его привилегированного положения и позволило бы правительству относиться к нему как к обыкновенному подчинённому. Столыпин также выразил беспокойство по поводу созыва католикосом собрания армян в Эчмиадзине в 1906 г. для обсуждения вопроса о будущем участии народа в разрешении церковных дел. Особое опасение вызывало преобладание на собрании членов Дашнакцутюн и сочувствующих ему. “[И]скусственно восстановив в Эчмиадзине духовно-политический центр армянского народа, мы тем самым если

⁷¹ См. Hovannisian. *Armenian Question*. P. 233-238; David MacLaren McDonald. *United Government and Foreign Policy in Russia, 1900-1914*. Cambridge, Mass., 1992. Pp. 101-111; Alan Bodger. *Russia and the End of the Ottoman Empire* // Marian Kent (Ed.). *The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*. London, 1984. Pp. 76-110 (особенно с. 78-82); Roderic Davison. *The Armenian Crisis, 1912-1914* // *American Historical Review*. 1948. Vol. 53. No. 3. Pp. 481-505 (особенно с. 489-490); и Сборник дипломатических документов: Реформы в Армении, 26 ноября 1912 года – 10 мая 1914 года. Петроград, 1915. С. 3-6, 22 и 178; Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову, 1905–1915 гг. // Красный архив. 1928. № 26. С. 97-126; Manoug Somakian. *Empires in Conflict: Armenia and the Great Powers, 1895-1920*. London, 1995. Pp. 37-69. Об армянах в контексте политических революций в Персии и Турции, см. Feroz Ahmad. *Unionist Relations with the Greek, Armenian, and Jewish Communities of the Ottoman Empire, 1908-1914* // *Christians and Jews in the Ottoman Empire*. Pp. 401-434; Cosroe Chaqueri. *The Role and Impact of Armenian Intellectuals in Iranian Politics, 1905-1911* // *Armenian Review*. 1988. Vol. 41. No. 2. Pp. 1-51; Anahide Ter Minassian. *Le rôle des Arméniens du Caucase dans la révolution constitutionnaliste de la Perse, 1905-1912* // Raoul Motika, Michael Ursinus (Eds.). *Caucasia between the Ottoman Empire and Iran, 1555-1914*. Wiesbaden, 2000. Pp. 147-174.

не узаконили, то молчаливо признали за католикосом фактическую возможность объединить вокруг себя армянские партии местного и иностранного происхождения, и поэтому Эчмиадзин сделался в некоторой степени очагом революционного движения среди русских армян”.⁷² Результатом было широкое обсуждение в 1908 году привилегий католикоса и отношения российского государства к его вселенскому значению.

Самым горячим сторонником католикоса и ориентации государства, выразившейся в Положении 1836 г., был наместник на Кавказе Воронцов-Дашков, который протестовал “категорическим образом” против предложения Голицына. Предполагавшаяся к проведению сразу после неудачной попытки конфискации церковного имущества, эта мера не могла бы реализоваться “без крайне трудной и грозящей осложнениями борьбы”, и в любом случае указ российского правительства вряд ли бы заставил армян отказаться рассматривать католикоса как главу *всех* армян. В данный момент, по мнению наместника, нужно было постараться убедить армян в том, что они являются прежде всего российскими подданными, “а отнюдь не создавать из них снова врагов русской государственности”. Воронцов-Дашков признавал, что, в отличие от глав других христианских исповеданий, католикос получает особые формы признания со стороны Императора, “но для меня несомненно, что это сделано в свое время законодателем вполне сознательно, так как Верховный патриарх-католикос представляется главою целой отдельной церкви, между тем как все, находящиеся в России, другие высшие сановники иных христианских исповеданий, не исключая и православного, являются только начальниками отдельных епархий”. Наместник подчёркивал глубокую мудрость, лежавшую в основе законодательного признания католикоса главой всех армян и настаивал на его важности для защиты русских интересов в Закавказье и на

⁷² РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 306. Лл. 76; Дякин. Национальный вопрос. С. 722-25, 751-752. Мкртич, кажется, согласился созвать это собрание под давлением Дашковых. См. Libaridian. Revolution and Liberation. P. 196. Наместник Воронцов-Дашков впоследствии объяснил, что он разрешил проведение этого собрания, чтобы “благоразумные элементы” среди армян сами убедились в революционном направлении учредителей съезда, не совпадающем с интересами армянской церкви. По словам наместника, именно такой раскол и произошел, разделив революционную федерацию и духовенства. См.: Всеподданейшая записка. С. 14-16; Официальное сообщение о причинах роспуска Эчмиадзинского съезда // Колокол. 16 ноября 1906 г. № 3. С. 2. Ашджян подтверждает, что съезд действительно объявил борьбу “церкви и клерикализму”. См. Ashjian. Catholicoi of Etchmiadzin. P. 104.

Ближнем Востоке. Если какие-либо цели в этом отношении оставались невыполненными, то причины следовало искать в репрессивных мерах правительства против армянского духовенства. Наместник предложил всего лишь одно существенное изменение в управлении армянской церковью, а именно – введение закрытой баллотировки на выборах католикоса для защиты делегатов от влияния “крайних партий” и “террора”.⁷³

Проконсультировавшись с посольством в Константинополе, МИД также выступил против предложений МВД, в особенности в пункте отрицания “вселенского значения” католикоса.⁷⁴ Извольский заметил, что оно “покоится отнюдь не исключительно на постановлениях нашего свода законов”, а на канонах армянской церкви. Таким образом, даже если Положение 1836 г. в какой-то мере “искусственно” подкрепило это значение, “нет никаких оснований предположить, что с изменением некоторых статей свода законов это сознание исчезнет”. Извольский также сомневался в причинной связи между вселенским значением католикоса и развитием армянского революционного движения. Он настаивал на сохраняющейся важности католикоса для внешней политики России, подчеркивая громадные усилия правительства после Крымской войны, направленные на поддержку духовной подчиненности турецких армян Эчмиадзину. Даже если нельзя было указать на конкретную выгоду для России от признания вселенского статуса католикоса, политика, получившая выражение в Положении 1836 года, “несомненно, способна принести свои плоды”, поскольку важно, “чтобы значительная часть населения соседних провинций Турции, принадлежащая к армянскому племени, не была настроена враждебно к нам, а воспиталась в сознании, что только России она обязана сохранностью наиболее дорогих идеалов армянского племени”. Извольский выступал за крайнюю осторожность в проведении реформ, которые не должны возбудить у армян подозрение, что правительство снова пойдет по пути преследования их церкви.⁷⁵

МВД эти аргументы не убеждали. Ссылаясь на печальное состояние армянского дела со времени выбора католикосом первого турецкого подданного в 1857 г., директор Департамента духовных дел ино-

⁷³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 830. Лл. 51-56; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 306. Лл. 43-45.

⁷⁴ МИД также испросил мнение из Тегерана, но оно еще не было получено, когда министерство составило свой ответ министру внутренних дел.

⁷⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 306. Лл. 74-79 (цитаты на Лл. 75об., 78об., 78).

странных исповеданий Всеволод Владимиров⁷⁶ заявлял, что “дезорганизация” армянской церкви достигла критического состояния. Он считал, что новые выборы предоставляли властям возможность пересмотреть если не Положение 1836 года, то во всяком случае статус католикоса. Его особые права и несменяемость следовало отменить, а отношение к Синоду “выяснить” в интересах поддержки коллегиальной формы управления. Далее Владимиров выражал сомнение в том, что признание вселенского значения католикоса правительством несет какие-то конкретные выгоды. Ввиду гораздо большего значения католикоса для армян внутри России, чем для их зарубежных единоверцев, Владимиров считал желательным уравнивание влияния этих двух контингентов на выборах. Что касалось подданства кандидатов на Эчмиадзинский престол, опыт Матеоса, Кеворка и особенно Мкртича показал, “что упомянутые лица, рожденные и воспитанные в Турции, не были в состоянии понять справедливых требований нашего Правительства и постоянно пытались применять у нас те деспотические приемы, к которым они привыкли в прежнем своем отечестве, вследствие чего не могли питать к закону того уважения, которого вправе требовать Правительство благоустроенное”. Забывая, видимо, о Макарии (1885-1891 гг.), Владимиров заключил, что многие из имевшихся затруднений прекратились бы при занятии престола католикосом, знакомым с требованиями “цивилизованного государства” и знающим русский язык. Возвращаясь к логике 1883 г., директор предложил утверждать в качестве католикосов только русских подданных, знакомых с русским языком.

В то же время Владимиров прислушался к аргументам наместника и выразил готовность до некоторой степени смягчить свои требования. Он признал, что лишение католикоса внешних атрибутов патриаршей власти неизбежно было бы истолковано армянами как признак недружелюбного отношения к этой церкви со стороны государства. Он даже был готов отступить от принципа избрания исключительно российских подданных, пока вселенское значение католикоса будет официально признаваться правительством. Но если Воронцов-Дашков считал, что методы его предшественника “революционировали армянские массы до крайней степени возбуждения”, то Владимиров обосновывал строгие меры тем, что армянское духовенство “было за-

ражено мечтаниями о практическом осуществлении идей политической самостоятельности армянского народа”. Он, в отличие от наместника, не считал вопросы о школе и присяге “мелкими” делами церкви, в которые правительству вмешиваться не следовало. В конечном итоге Владимиров предложил три основные реформы, считая, что они не должны еще более радикализировать армян: 1) любой кандидат на эчмиадзинский престол должен был владеть русским языком; 2) на выборах католикоса количество голосов российских и зарубежных армян должно быть равным; и 3) отношения католикоса с Синодом должны быть прояснены.⁷⁷

Даже эти относительно умеренные предложения встретили отпор со стороны наместника и министра иностранных дел. Оба чиновника отмечали, что требование о знании русского языка католикосом фактически устраняет от выборов иностранных кандидатов и тем самым нивелирует вселенское значение престола. Будучи вынужденными голосовать не за лучшего кандидата, но за русскоязычного, иностранные армяне вряд ли считали бы такого католикоса вполне легитимным. Воронцов-Дашков и Извольский также возражали против каких-либо изменений в системе выборов сразу после смерти старого католикоса и непосредственно перед избранием нового. Министр иностранных дел согласился в принципе, что следует стремиться к уравниванию голосов российских и зарубежных армян, но он указал на принцип римско-католической церкви *sede vacante nihil innovatur* – когда престол не занят, никаких нововведений не допускается – и предположил, что армянское духовенство с этим принципом хорошо знакомо.⁷⁸

Выслушав эти аргументы на своем заседании в августе 1908 года, Совет Министров решил отложить любые нововведения и сосредоточить свое внимание на избрании следующего католикоса, который впоследствии мог бы содействовать наместнику в выработке изменений к Положению 1836 года. Главное достижение Столыпина заключалось в согласии Совета с его высказыванием: соображения внешней политики “не могут служить основанием, чтобы оставлять без внимания требования политики внутренней”. Единственное конкретное из-

⁷⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 306. Лл. 2-60об. (цитаты на Лл. 30 и 49).

⁷⁸ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 830. Лл. 58-62об.; РГИА. Ф. 821. Оп. 7. Д. 306. Лл. 80-82об. Министр иностранных дел Извольский раньше служил во главе дипломатической миссии в Ватикане и таким образом был хорошо знаком с католическими принципами.

⁷⁶ Судя по всему, этот документ был черновиком, подготовленным Владимировым для внесения в Совет Министров его начальником Столыпиным. Видимо, документ отражает мнение обоих чиновников.

менение, на которое Совет согласился, заключалось в установлении закрытой подачи голосов на последней стадии выборов для увеличения свободы выборщиков.⁷⁹ По сути, МВД вынуждено было пожертвовать своей программой и получило взамен лишь смутное обещание предпринять какие-то реформы, когда обстоятельства это позволят.

С одной стороны, решение Совета отражало противоречия, сформировавшиеся за все время отношений между государством и католикосом. С другой, оно стало результатом сложившихся на тот момент противоречий между Столыпиным, Извольским и Воронцовым-Дашковым, касающихся распределения власти в государственном аппарате. Петербургская бюрократия была недовольна восстановлением в 1905 году наместничества, которое вывело из ее распоряжения закавказские дела. Преданный принципам “объединённого правительства” и критически относившийся к проармянской позиции наместника, Столыпин в целом разделял это недовольство.⁸⁰ Одновременно он разошелся во взглядах с Извольским – в данном случае, по вопросам формирования внешней политики России. Как председатель Совета Министров, Столыпин решительно пытался включить внешнюю политику в свое “объединённое правительство”, чтобы не допустить возникновения внешнеполитических осложнений, пока не завершилась программа внутренней перестройки. Извольский, со своей стороны, стремился решить вопрос о проливах Дарданеллы и Босфор в пользу России и создать для Петербурга возможность решительных действий на Ближнем Востоке. Когда в январе 1908 года размах планов Извольского стал очевиден, Столыпин принялся энергично отстаивать прерогативы Совета в формировании внешней политики. Однако Боснийский кризис 1908 г. показал, что Извольский не принял точку зрения Столыпина и хватался за любой инструмент, позволявший ему влиять на османское правительство. Таким образом, стечение внутриполитических обстоятельств, с одной стороны, и решимость Извольского ве-

сти активную политику на Ближнем Востоке, несмотря на внушения Столыпина, – с другой, явились существенными факторами в желании МИД активно поддерживать католикоса. В той же логике Столыпин рассматривал внешнюю политику как компетенцию своего ведомства. Когда он выступал против наличия в империи “должностного лица, облеченного экстратерриториальной властью, не подчиняющегося велениям закона и открыто не исполняющего законных распоряжений Правительства”, он указывал на связь между внутренней и внешней политикой.⁸¹

Не добившись желаемого результата в Совете Министров, Столыпин всё же попытался ввести некоторые изменения в ходе утверждения следующего католикоса. В конце 1908 г. без особых пререканий константинопольский патриарх Матевос (Измирлян), пользовавшийся подавляющим преимуществом на собрании в Эчмиадзине, был избран католикосом. Ввиду ещё не ясного значения младотурецкой революции для османских армян Петербург счёл нужным утвердить этот выбор.⁸² Но в докладе императору Столыпин выступил против наград и других значительных почестей, обыкновенно сопровождавших утверждение католикоса в сане. Вместо этого он предложил ограничиться Высочайшей грамотой с большой государственной печатью, как предписывал закон, а предоставление других наград поставить в зависимость от отношения нового католикоса “к интересам государства и правительственной власти”. Столыпин также настаивал на том, чтобы Матевос приехал сразу в Петербург (вместо Тифлиса, как это делалось обычно) для личного свидания с императором, на котором ему бы разъяснили обязательность соблюдения имперских законов, а не только церковного канона. Появились даже слухи о том, что МВД готовит законопроект об увеличении числа российских армян на будущих выборах.⁸³

⁷⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 830. Лл. 2-9 (цитата на л. 8об.). Правила, регулирующие выборы, существовали отдельно от самого Положения 1836 г. и поэтому могли быть изменены относительно легко. См. Меликсет-Беков. Юридическое положение. С. 13.

⁸⁰ См., напр., Кавказские дела // Колокол. 6 июня 1908 г. № 685; Дякин. Национальный вопрос. С. 48-49, 481-482, 499-504; Suny. Looking toward Ararat. Pp. 49-50; Д. И. Исмаил-Заде. Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты / Под редакцией С. В. Тютюкина. Москва. 1991. С. 48-52; Письма Воронцова-Дашкова. С. 99, 112, 118-120.

⁸¹ По поводу этих сложных конфликтов см. весьма проницательный анализ Макдоналда: United Government and Foreign Policy. Pp. 111-126, 136-151; Bodger. Russia. Pp. 92-93. Цитата из РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 830. Л. 8об.

⁸² В то время отношения между младотурками и частью армян, находившихся под влиянием Дашнакцутюна, были все ещё довольно хорошими. См. Ahmad. Unionist Relations. Pp. 418-425.

⁸³ См. Дякин. Национальный вопрос. С. 764, 766; Тунян. Эчмиадзинский престол. С. 151-159 (цитата на с. 156); К выборам // Закавказье. 1 декабря 1911. № 269; К приезду патриарха католикоса всех армян Маттеоса Измирляна // Новое время. 24 мая 1909 г. № 11923. С. 3. Высочайшие указания армянскому католикосу // Московские ведомости. 3 июня 1909 г. № 125.

Заключение

К моменту последних дореволюционных выборов в декабре 1911 года Столыпин уже не было в живых. Премьер-министр мог влиять только на первые стадии выборов после смерти Матевоса, служившего католикосом менее полутора лет. Выборы заметно осложнились тем, что 28 делегатов – в том числе представители Синода и братии в самом Эчмиадзине – бойкотировали их. Они заявили, что Дашнакцутюн и Национальное собрание в Константинополе давили на них с целью исключить бывшего константинопольского патриарха из списка возможных кандидатов. На этом основании МВД предлагало даже признать результаты выборов незаконными, тем более что избранный католикос Кеворк (Суренян) подозревался в связях с армянским революционным движением. В очередной раз, однако, критическое положение османских и персидских дел оказало сильнейшее влияние на решение российского императора. Наместник и МИД, как и раньше, сплотились вокруг предположения о необходимости добиваться сочувствия армян к России, тем более что оба ведомства именно в это время готовились вновь разыграть “армянский вопрос” на международном политическом поле.⁸⁴ Воронцов-Дашков сверх того заметил, что кассация выборов создала бы опасный прецедент, позволяющий меньшинству срывать выборы, и что в любом случае Кеврок был российским подданным, “человеком благонадёжным и хорошо нам известным”. В конечном итоге, МВД вынуждено было утвердить Кеворка. Таким образом, после убийства Столыпина и на фоне желаний России использовать армянский вопрос во внешней политике имперские власти во многом вернулись на традиционные позиции относительно армянской церкви. Как утверждает В. Г. Тунян, в предвоенные годы “завершился процесс нормализации отношений руководства армянской церкви и самодержавия”.⁸⁵

⁸⁴ См. Письма Воронцова-Дашкова. С. 118-120; Somakian. Empires in Conflict. С. 46-49. По мнению Сомакяна, российские власти также делали ставку на курдов Османской империи с целью создать кризис, который мог бы вылиться даже в массовое убийство армян, что позволило бы России ввести свои войска. Там же. С. 50-57.

⁸⁵ Дякин. Национальный вопрос. С. 766-771; Тунян. Эчмиадзинский престол (цитаты на с. 176 и 180). О выборах см. также ряд статей в газете Закавказье. 1, 15, 16 и 23 декабря 1911 г. №№ 269, 281, 282, и 288. О ситуации в годы войны см.: Somakian. Empires in Conflict. Рр. 70-130; А. Ю. Бахтурина. Окраины Российской империи: Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны, 1914-1917 г. Москва, 2004. С. 208-224.

В чем состояла суть “эчмиадзинского вопроса”, занимавшего столько внимания и энергии имперского правительства на протяжении почти столетия? Начнем с того, что католикос являлся одновременно духовным главой всей армянской церкви, российским подданным и государственным служащим в сложившейся системе конфессионального управления. Поэтому задача правительства, как утверждалось в одной записке МИД середины 1860-х годов, заключалась в том, “чтобы этот высокопоставленный в духовном отношении *подданный России, исполняя обязанности свои* в отношении Государя, которому он присягал, и Государства, в котором он пребывает, в то же время *удерживал, во всей неприкосновенности*, в руках своих и *власть*, предоставленную ему канонами церкви, над паствою своею и *вне пределов России* и чтобы обязанности подданного не ставили его в противоречие с своею совестью в качестве Верховного Главы церкви”.⁸⁶ Сформулированная таким образом задача являлась крайне сложной ввиду нахождения армян в разных странах и неоднородности источников власти католикоса. Неудивительно, что российское правительство каждый раз переопределяло эту задачу в контексте менявшихся обстоятельств как внутри России, так и вне её, затрудняясь разрешить противоречия, вытекавшие из двойственности понимания должности католикоса.

Отношение Петербурга к католикосу также обуславливалось процессами, происходившими в Османской империи. В армянах, выполнявших ключевые для Порты функции в сферах финансов и промышленности, Россия видела верный и самый прямой проводник ее влияния на Восток. Частые войны с Турцией создавали стимул для поддержки хороших отношений с населением, которое оказывалось в центре военных действий в любом предполагаемом русско-турецком конфликте. Казавшийся неминуемым раздел Османской империи заставлял официальные круги постоянно думать о положении, в котором Россия окажется в этот критический момент. Растущее влияние Запада на Константинополь и даже Анатолию принуждали Россию дорожить таким важным институциональным преимуществом, как католикос. Лишь полное неповиновение Эчмиадзина наконец-то вынудило Пе-

⁸⁶ СПб ФИВ РАН АВ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 123. Лл. 2об.-3. Выделенные слова подчеркнуты в оригинале. Автор записки не указан, но она находится в личном фонде востоковеда Г. А. Эзова.

тербург отказаться от политики задабривания. Кроме временного отступления от традиционного подхода в 1891-1905 гг., соображения внешней политики почти всегда перевешивали соображения внутренней в рассуждениях правительства о католикосе.

Политические процессы среди османских армян и характер их общинной организации также играли не последнюю роль в формировании отношения Петербурга к католикосу. С одной стороны, средоточие власти над всем миллетом империи в руках константинопольской общины, особенно после издания Сахманатругьона в 1863 году, вынудило Петербург идти на уступки и поощрять избрание именно османских подданных на Эчмиадзинский престол. Опасность того, что османские армяне отпадут от Эчмиадзина и превратят поместный престол в Сисе или константинопольский патриархат в католикосат для всех турецких армян, вынуждала Россию поступать весьма осторожно.⁸⁷ Сверх того, с момента издания Положения 1836 года и вплоть до падения старого режима Петербург терпел порядок выборов католикоса, который, даже учитывая перевес армянского населения в Турции над армянами в России, обеспечивал первым непропорциональное преимущество.⁸⁸ С другой стороны, господство константинопольской общины наконец-то заставило Петербург искать возможности для более прямого участия анатолийских армян в выборах, тем самым втягивая Россию глубже во внутренние дела турецких армян. Внутриполитические процессы в их среде также играли свою роль в переоценке традиционной политики. Подозрения, что “сепаратистские” настроения армянского революционного движения распространяются с османских земель в Россию, усиливали негативные тенденции в отношении Петербурга к католикосу и заметно снизили готовность властей терпеть отклонения от Положения 1836 года. Можно предположить, что вышеописанные затруднения в значительной части вытекали из не-

⁸⁷ Такого отпадения не произошло по нескольким причинам. Многие армяне в Турции действительно были преданы идее церковного единства и историческому значению Эчмиадзина, и многие, судя по всему, видели в России покровительницу. Сверх того, установление автокефальной армянской церкви в Турции вполне реально вело к переходу церковной власти именно к сисскому католикосу как высшему духовному лицу. Такой вариант вряд ли устроил бы константинопольского патриарха, который остался бы только вторым лицом в армянской религиозной иерархии внутри Турции.

⁸⁸ То есть преимущество, которое турецкие армяне имели по числу епархий – что клалось в основу системы выборов, – было даже большее, чем их преимущество в отношении численности населения (по сравнению с армянами России).

возможности чётко отделить понятие об армянах как о вероисповедной группе от представления о них как о нации. Оба эти понятия сосуществовали, взаимопересекались, что весьма затрудняло выработку некой универсальной политики по отношению к армянской церкви.

В целом, история католикоса в Российской империи указывает на весьма существенную ограниченность политических возможностей российской власти. Поразительная неспособность Петербурга заставить католикоса подчиниться своей воле и грубые и неэффективные действия в 1903 году ярко демонстрируют эту ограниченность. Ситуация за южной границей империи также лимитировала свободу действий правительства по управлению армянской церковью в России, тем самым делая внутреннюю политику заложницей внешнеполитических соображений. Пересмотр Положения 1836 года не мог быть предпринят без учета его последствий для зарубежных армян, и в то же время их участие в законодательном творчестве Российской империи считалось слишком опасным и непредсказуемым в своих последствиях. Вселенский же статус католикоса, воспринимавшийся то позитивно, то негативно, не подлежал изменению, а тем более отмене, повелением одного лишь императора. Таким образом, если католикос и мог служить залогом внешнеполитических притязаний Российской империи, то и сам Петербург до некоторой степени являлся заложником католикоса.

SUMMARY

Paul Werth's article explores the international dimension of Russia's confessional affairs by focusing on the spiritual head of the Armenian church, the Catholicos. The annexation of eastern Armenia in 1828 placed the seat of this patriarch, the monastery of Echmiadzin, within Russia's borders and rendered the Catholicos himself a subject of the Russian Emperor. The imperial government thus acquired an unprecedented opportunity to influence Armenian communities in Persia and Turkey, since the Catholicos claimed spiritual authority over all adherents of the Armenian Apostolic confession wherever they resided.

Werth demonstrates, however, that defining precisely the rights and status of the Catholicos proved exceedingly complex. For the Catholicos both to command allegiance abroad and to fulfill imperial administrative require-

ments at home, his power and authority needed simultaneously to be augmented and restricted. In practice, the promotion of the Catholicos' prestige among foreign Armenians compelled the imperial government to make substantial compromises with respect to the administration of religious affairs within the Russian empire itself. By accentuating the trans-imperial implications of the catholicosate and above all by emphasizing the Ottoman factor in Russia's administration of the Armenian confession, Werth emphasizes that practices of imperial governance in Russia need to be placed in an international context, and that the conduct of foreign policy needs to be connected to processes occurring within Russia's borders.